

О книге Шарля Балли "Язык и жизнь". Вступительная статья В.Г.Гака

1 Язык и жизнь

Предисловие

Краткое содержание

I Язык и жизнь

1 Функционирование языка и жизнь

Различные точки зрения на изучение языка

Жизнь

Языковое выражение жизни

Речь и общество

Разум и речь

Система языка

Естественная речь, литературный язык, стиль

Исследование выразительных средств

2 Развитие языка и жизнь

Развитие и прогресс

Логический прогресс и потребности выражения

Аналитические тенденции и выразительность

Тенденция к аналитизму и фонетические изменения

Общественное развитие и язык

Прогресс в языке в целом

II Стилистика и общая лингвистика

3 Два взгляда на стилистику

4 Поле стилистики

А) Фонология

Б) Лексика

В) Синтаксис

5 Письменный и устный языки

6 Стилистика и исторический метод

III Об экспрессивности в языке и речи

IV Об усваиваемом естественно и выучиваемом сознательно в языке

V Язык и социальное воздействие

VI Преподавание родного языка и формирование сознания

7 Зачем мы учим латынь?

2 Статьи Шарля Балли. Перевод В.Д.Мазо

Импрессионизм и грамматика

Летом: по весне. Верить в Бога: верить в черта

Интонация и синтаксис

Синтаксис эксплицитной модальности

Речь Р. Годеля на похоронах Шарля Балли. Перевод В.Д.Мазо

Библиография основных работ Шарля Балли

Ф.деСоссюра (вместе с А.Сеше он издал его "Курс общей лингвистики"). В настоящей книге дана библиография основных работ Ш.Балли, которая показывает широту и разнообразие научных интересов ученого. Важнейшими трудами, создавшими его научную славу, являются книги "Trait'e de stylistique fran caise " (1-е изд. 1909), "Linguistique g'en'erale et linguistique fran caise " (1-е изд. 1932), "Le langage et la vie" (1-е изд. 1913), неоднократно переиздававшиеся и дополнявшиеся. Первые две книги были изданы в русском переводе под названием соответственно "Французская стилистика" (М., 1961) и "Общая лингвистика и вопросы французского языка" (М., 1955) с превосходными вводными статьями чл.-корр. РАН Р.А.Будагова. В 2001 году обе книги были переизданы издательством УРСС.

Настоящее издание представляет собой перевод третьей книги Балли "Язык и жизнь", которая не раз переиздавалась с изменениями и дополнениями, и данный перевод сделан с наиболее полного издания 1952 года. Книга "Язык и жизнь" была написана после "Французской стилистики", основные положения которой в ней вновь подчеркиваются, и до основного теоретического труда Балли "Общая лингвистика и вопросы французского языка", многие идеи которого в ней предвосхищаются. В последнем издании книги "Язык и жизнь", опубликованном после выхода в свет указанного труда, имеются многочисленные отсылки к этой работе, где данные вопросы рассмотрены более подробно.

Мы не будем излагать здесь историю жизни и научной деятельности Шарля Балли. Она кратко, но выразительно описана в речи, произнесенной Р.Годелем на похоронах Балли, перевод которой приводится в данной книге. Ш.Балли принадлежал к Женевской лингвистической школе, сформировавшейся вокруг Соссюра. Ее наиболее известными представителями, помимо Балли, который был первым преемником Соссюра в Женевском университете, одним из основателей Женевского лингвистического общества и его почетным председателем в течение многих лет, являются А.Сеше, С.О.Карцевский, А.Фрей, Р.Годель, Р.Энглер и др. Женевская школа идейно была близка к Французской социологической школе, некоторые историки языкознания (например Й.Йордан в своем "Романском языкознании", М., 1971) объединяют эти два течения в единую Французскую лингвистическую школу, включая в нее Ф.деСоссюра, А.Мейе, Ж.Вандриеса, Ш.Балли, А.Сеше и других лингвистов. Общим для этих ученых был взгляд на язык как на социальное явление и стремление изучать язык в его функционировании в обществе.

Продолжая и развивая идеи своего учителя -- де Соссюра, -- Балли вместе с тем разрабатывал ряд направлений в языкознании, которые в XX веке оформились как особые ответвления в лингвистике. Он явился основоположником современной лингвистической стилистики и теории фразеологии, внес существенный вклад в теорию языкового знака (проблема мотивированности знака, актуализация знака в речи), в теорию высказывания (различение диктума и модуса, темы и ремы), теорию транспозиции, которую развивали французские лингвисты в начале XX века. Некоторые направления исследований, которыми начал активно заниматься Балли, лишь впоследствии превратились в особые разделы языкознания, получив свои научные обозначения: социолингвистика, психолингвистика, коллоквиалистика (изучение разговорной речи), сопоставительная лингвистика, языковая характерология. Эти и другие вопросы будут рассмотрены в той мере, в какой они отражены в данной книге.

В самом названии книги Балли подчеркивает связь языка с жизнью. Живой язык существует лишь в сознании говорящих на нем людей, законы языка объясняются законами человеческого разума и общества. Таким образом, полагает Балли, язык тесно связан с социологией (он является продуктом общественной жизни) и психологией. В языке объединяются две функции -- биологическая и социальная. В процессе общения собеседники (коммуниканты) взаимодействуют и оказывают влияние друг на друга. Все существенно переживаемое субъективно, все мысли направлены к действию. Соприкасаясь с жизнью, язык пропитывается аффективностью, каждое слово может получить оценочное значение. Эти идеи Балли, которые сегодня кажутся само собой разумеющимися, в то время, когда лингвисты занимались преимущественно историей языка и исследовали язык в текстах, а не в живом общении, представлялись новаторскими. Балли идет еще дальше: он подчеркивает, что в процессе говорения сами идеи деформируются под влиянием аффекта, что подтверждается обилием в живой речи образных выражений, гипербол и литот. Жизнь разнообразнее разума, который характеризуется бессознательным, автоматическим использованием коллективного, неиндивидуального языкового материала. Здесь мысли Балли перекликаются с выводами отечественных психологов, (Д.Н.Узнадзе, Н.И.Жинкин и др.), которые экспериментально установили, что в процессе номинации объектов и формирования высказывания говорящие основываются на определенных психологических установках,

специфических для пользующихся данным языком, что позволяет быстро находить надлежащую форму лексических номинаций и высказываний в целом.

Верный ученик Соссюра, Балли развивал теорию языкового знака, сквозь призму которой он рассматривал связь языка и мышления. Балли подчеркивает, что язык не передает мысль совершенно точно. Мысль, так же как и выражаемые чувства приносятся в жертву устоявшимся формам языка. Автономия языка, следовательно, достигается ценой значительного ущерба нашему мышлению, так как язык не способен передать, особенно в условиях быстрой коммуникации, все детали мышления и оттенки чувств. Однако ситуация и контекст восполняют недостаточность языка. Разумеется, эти рассуждения Балли касаются обыденной разговорной речи, изучение которой он поставил во главу забот лингвистики, а не литературного творчества, в процессе которого автор может потратить любое время на поиск средства выражения.

Соссюр сформулировал положение о произвольности языкового знака. Это положение некоторые лингвисты брали под сомнение, например Бенвенист утверждал, что говорящий не свободен в выборе слова, поскольку он может пользоваться только теми словами, которые существуют в языке для наименования данного объекта. Но здесь противоречия, по сути дела, нет: Соссюр говорил о языковом знаке, о формировании самой языковой системы, тогда как Бенвенист -- о речевом знаке, о знаке в речи, о реализации системы, когда, естественно, должны использоваться знаки, существующие в языковой системе. Балли выступил как сторонник произвольности языкового знака, причем он подчеркивал, что этот знак является произвольным и по своему означаемому (то есть, по своей материальной звуковой или письменной форме), и по своему означающему (значению), поскольку в основе значения слов лежит произвольное членение мира людьми, говорящими на данном языке. Разумеется, это членение мира (и следовательно выделение соответствующих значений слов и форм) частично определяется особенностями культуры и условиями жизни данного народа, но в большинстве случаев слово становится "этикеткой", закрепленной за некоторым концептом, границы которого определяются границами других концептов. Знаки языка, выражающие грамматические явления, столь же произвольны, как и знаки, выражающие концепты.

Балли останавливается еще на одном вопросе, возбуждавшем споры в лингвистике: вопросе об объеме и структуре значения языковой единицы. Три суждения высказывались по этому поводу: одни ученые (например, Р.Якобсон) считали, что во всех значениях и употреблениях языковой единицы (слова, грамматической формы) отражается одно общее значение этой формы (холистическая теория); другие (как А.А.Потебня) придерживались атомарной теории, видя в разных значениях и употреблениях одной и той же единицы разные единицы-омонимы; наконец третьи (например, Е.Курилович), придерживались функциональной точки зрения, полагая, что в данном случае проявляется многозначность языкового элемента, и разные его значения связаны между собой определенными отношениями. Балли резко критиковал первую точку зрения, приводя в качестве примера тот факт, что до сих пор никому не удалось свести к общему знаменателю разнообразные значения индоевропейского конъюнктива, и подчеркивая, что одна и та же языковая единица может выполнять различные функции. При этом он не отвергает в принципе возможность грамматической омонимии; примером тому служит французская форма *des*, которая может быть неопределенным артиклем или определенным слитным артиклем множественного числа.

Значительная часть книги посвящена вопросам стилистики и аффективности речи. Как отмечалось выше, лингвисты XIX века в основном изучали историю языка на основании письменных текстов. В самом конце века широким фронтом развернулись исследования диалектов, часто бесписьменных, которые давали большой материал для истории языков. Балли был одним из первых и очень активных поборников изучения разговорной речи общенародных литературных языков, в том числе в ее устной манифестации и особенно в ее экспрессивно-эмоциональной разновидности.

В конце XIX века стилистика все еще рассматривалась как наука об искусстве правильно и красиво писать. Полемизируя со многими языковедами того времени, Балли настаивал на отделении литературоведческой стилистики от стилистики -- науки, изучающей экспрессивно-эмоциональный аспект языка. Поскольку говорящий человек неотделим от владеющих им чувств и от социального окружения, в котором он находится, необходимо систематически изучать средства выражения этих чувств и языковые средства отражения этих социальных различий. Балли стал одним из основоположников лингвистической стилистики. Он видел два аспекта в этой науке: изучение объективных особенностей данного языка в сравнении с другими языками (так Балли заложил

основы сопоставительного изучения языков, в том числе лингвистической характерологии) и изучение приемов экспрессивного характера -- экспрессивную стилистику.

Проблемы сопоставительного изучения языков Балли подробно рассматривал в книге "Общая лингвистика и вопросы французского языка" на материале французского и немецкого языков. Там же он дал замечательный очерк лингвистической характерологии этих двух языков. Характерология стремится показать различия языков во взаимосвязи их особенностей на разных уровнях, устанавливать "портрет" языков и объяснять их различные свойства некоторыми их общими особенностями. В данной книге Балли не раз апеллирует к общим характерологическим особенностям французского и немецкого языков. Так он отмечает, что французскому языку свойственна статичность, тогда как немецкий показывает динамическое развертывание процесса; немецкий язык, описывая ситуацию, дает детали картины, тогда как французский -- лишь ее контуры.

Значительно больше внимания уделяется в книге экспрессивной стилистике. Автор приводит краткую сводку языковых средств, имеющих стилистическую значимость. Это средства фонологии, лексики, синтаксиса; они составляют "поле стилистики". Балли стремится вскрыть механизмы речевой экспрессивности. Выделяется три основных источника экспрессивности: собственная (естественная) эмоциональная окраска (например, различие синонимов по степени интенсивности, по субъективной оценке и т.п.); образность (перенос значений, тропы) и экспрессивность, связанная с социальной окраской (*effet par l'évocation*), с представлением, которое дает слово об определенной социальной среде. Механизмы речевой экспрессивности характеризуются двумя особенностями: они связаны с интеллектуальной деятельностью, но при этом они алогичны, поскольку одна языковая категория (слово, грамматическая форма) вытесняет другую. В их основе лежит игра, так как наше сознание восстанавливает нарушенный порядок, вследствие чего имеет место одновременное двойное восприятие, наложение двух картин, что и создает образность, аффективность. В выражении *Город в волнении* вместо *Жители города в волнении* имеет место метонимический перенос значения слова *город* и синтетическая импликация, при которой объединяется то, что должно быть разделено. Совмещение значений "город" и "жители города" создает некоторый образ. В каждой фигуре мысли присутствует импликация. Экспрессивность всегда предполагает смещение в языковом значении. Но экспрессивные средства имеют свойство стираться (в одной из своих работ Балли говорил, что язык -- это "кладбище умерших метафор"), в связи с чем они постоянно обновляются.

Как верный соссюрианец, в своих очерках Балли стремится последовательно различать язык и речь. Это касается и аффективности. В языке (в системе языка) экспрессивные знаки заранее даны, не предполагают творчества со стороны говорящего. Приемы, создающие аффективность, стали бессознательными и лишь внимательный анализ (выделение, например, определенного сочетания звуков, некоторых суффиксов) может объяснить, почему такая-то единица носит экспрессивный характер. Они включены в систему языка, подвержены, как и всякий системный элемент, оппозициям и понимаются в силу этих оппозиций, например, нейтральное *papiers* 'бумаги' и экспрессивное *paperasses* 'бумажный хлам' (слово содержит суффикс *-asse*, имеющий пренебрежительное значение). Аффективность может быть мотивирована означаемым и означающим. В речи аффективность создается прежде всего выбором средств, предоставляемых системой, индивидуальной или групповой модификацией общезыковых средств и, наконец, новаторством самого говорящего.

Балли считает, что менее регулярные языки, имеющие в своей системе больше отклонений в парадигмах (например, греческий, русский), предоставляют сами по себе больше стилистических ресурсов, чем языки более унифицированные, с жесткими правилами (он приводит в качестве примера турецкий). Однако представляется, что этот тезис нуждается в проверке.

Говоря о жизни языка в обществе, Балли не смог пройти мимо вопроса о возможности воздействия самих людей на язык. В речевой ситуации говорящий и слушающий ведут себя по-разному. Слушающий более внимателен к инновациям, поскольку он должен интерпретировать то, что слышит; вследствие этого к речи он будет относиться более внимательно и осознанно, чем говорящий. Как это ни кажется парадоксальным, но, считает Балли, именно слушающий, а не говорящий, в конечном счете вводит инновации в язык, поскольку он должен принять их, прежде чем распространить.

В рамках проблемы соотношения языка и социальной жизни общества Балли ставит вопрос, который до того сравнительно мало привлекал к себе внимание: каков механизм взаимодействия

человека и языка, например, каким образом человек усваивает определенную языковую норму. Он отмечает три формы такого воздействия: *императивную*, которую он сравнивает с действием полиции, обучение норме, например, в школе; *суггестивную*, то есть внушение со стороны, связанное с проблемами престижа, моды и т.п., и *аутосуггестивную* -- самовнушение, когда человек полагает, что сам себе дает указания, как надо говорить. Первая форма воздействия влияет на самые поверхностные факты (грамматическая правильность), тогда как две других затрагивают живые, глубинные факты языка, поскольку они касаются выбора самого способа выражения.

В своей книге Балли уделяет значительное внимание проблеме прогресса в языке. XIX век был веком историзма в науке, во всех областях знания ученые искали критерии прогресса. Балли подчеркивал, что вера в прогресс -- жизненная необходимость человека. Простое преобразование людей не удовлетворяет, во всех изменениях они ищут поступательное движение, движение вперед. Отсюда и проистекают заблуждения, касающиеся прогресса в языке. Нередко прогресс языка ищут в уровне развития литературы, которая этим языком пользуется. Но Балли отвергает этот критерий, говоря, что уровень развития литературы -- это не доказательство прогресса в языке: язык отнюдь не стремится к эстетическому идеалу. Другие ученые прогресс языка усматривают в том, что он в большей степени соответствует логическим отношениям, развивается в сторону логической ясности, однозначности, укрепления взаимно-однозначного соотношения между означающим и означаемым. Известно, что в новых индоевропейских языках разрушились многие именные и глагольные парадигмы, свойственные древним языкам (санскриту, латыни, старославянскому и др.). Многие индоевропейцы видели в этом "порчу языка", его "примитивизацию". В таком случае самым "испорченным" и "примитивным" языком должен был бы оказаться английский, где процесс разрушения древней морфологии зашел особенно далеко. Датский англист О.Есперсен выдвинул положение о том, что прогресс языка заключается, напротив, в развитии именно аналитических форм. Балли спорит с этим положением. Во-первых, как отмечалось выше, он придает понятию аналитизма/синтетизма совсем иное, чисто семиотическое значение, в основе которого принцип взаимной однозначности означающего и означаемого. Аналитично то, что соответствует этому принципу, синтез есть отход от него. Анализ проявляется в линейности и моносемии знаков. Поэтому так называемые аналитические сложные глагольные формы типа *буду читать*, согласно теории Балли, являются синтетическими (два знака выражают вместе одно значение "будущее время", тогда как *прочитаю* -- это аналитическая форма, поскольку одному знаку соответствует одно значение). Во-вторых, Балли констатирует, что, например, замена латинских падежных окончаний предлогами во французском языке не намного облегчила грамматику, поскольку на смену прежним трудностям пришли новые: слияние предлогов с артиклем (*de* или *du*?), конкуренция предлогов (*à* или *de*?), появление "блоков" типа *du roi, delom*, едва ли более аналитические, чем латинские формы *regis, viri*. Тенденция к выразительности противоречит тенденции к аналитизму, так как аффективные формы часто образуются путем переносов значений слов и т.п. Фонетические изменения не всегда подкрепляют тенденцию к аналитизму.

Прогресс языка видят в развитии его социальной функции, в унификации и стирании диалектных особенностей. Но на смену последним приходит дифференциация профессиональная, социальная, групповая. Общее заключение относительно прогресса в языке таково, что на всех этапах эволюции языка мы сталкиваемся с колебательными движениями. Нельзя о прогрессе языка судить по нескольким отдельно взятым чертам. К тому же мы не знаем, считает Балли, как был устроен примитивный язык. Все известные нам древние языки или языки племен, находящихся на первобытном уровне социально-технического развития, представляют собой весьма сложные системы. Балли предостерегает против того, чтобы на основании особенностей языка судить об уровне развития мышления пользующегося этим языком народа, хотя говорит о связи языка и духа нации. Но уровень мышления и "дух" нации -- разные вещи.

Таким образом Балли полемизирует со сторонниками гипотезы Сепира--Уорфа в крайнем ее варианте и высказывает взгляды, близкие к точке зрения нашего выдающегося лингвиста В.И.Абаева, который еще в 30-е годы подчеркивал необходимость различать язык "как идеологию" и "как технику". В формальных особенностях морфологии Балли усматривал только "технику", тогда как в отборе типов номинации и синтаксических структур при организации высказывания он стремился показать "характерологические" особенности языка. Так, напомним: Балли считал, что немецкий язык изображает детали ситуации, а французский показывает лишь ее контуры, а детали выявляются из самой ситуации или контекста. Равным образом немецкий описывает процесс в его становлении, тогда как французский более склонен к статическому описанию явления.

В книге читатель найдет четыре статьи Ш.Балли и Речь, произнесенную 12 апреля 1947 года на похоронах Ш.Балли Президентом Женевского лингвистического общества Р.Годелем.

Избранные статьи представляют собой лишь небольшую часть научного наследия ученого, зафиксированного в статьях. В этих работах Балли тонкость анализа соревнуется с глубиной мысли. Верный своему принципу, автор часто обращается помимо французского к иным языкам: немецкому, английскому, латинскому и греческому, русскому и другим, давая нередко замечательные примеры сопоставительного анализа.

В статье "Импрессионизм и грамматика" рассматривается комплекс важных вопросов, связанных с безличными предложениями. Безличные предложения, своеобразные по структуре и по содержанию, были частым предметом исследования лингвистов того времени; о них писали Э.Лерх, Г.Шухардт и многие другие. Но интересно наблюдать, как Балли, начав с этих предложений, шаг за шагом, переходя логично от одной проблемы к другой, охватывает в итоге целый ряд фундаментальных проблем синтаксиса и структуры языка в целом.

Балли исходит из того, что восприятие человеком различных явлений может характеризоваться двумя подходами: феноменистическим и каузальным. При феноменистическом, или импрессионистическом, подходе (Балли предостерегает от художественных ассоциаций этого термина) разум ограничивается первоначальным впечатлением от ситуации, причина происходящего не выявляется, феномен интерпретируется как внутренняя деятельность. При каузальном, или транзитивном, подходе мысль стремится определить причинно-следственные связи, возникает идея агенса, осуществляющего действие, влияющее на объект. Эти два основных типа ситуаций под разными названиями неоднократно описывались в языкознании.

Характерным способом языкового выражения феноменистического восприятия являются безличные глаголы. Их развитие в разных языках определяется, по мнению Балли, действием противоречивых тенденций, связанных с возможной определенностью источника явления. Оформление объекта также может быть связано со степенью активности субъекта. Прямообъектная конструкция свидетельствует о большей активности последнего, нежели структура с косвенным дополнением и возвратным глаголом (ср. *встретить кого-л.* и *встретиться с кем-л.*). Идя от одних структур к другим, Балли подходит к приему, который был в моде у французских авторов конца XIX века (Гонкуры, Самен и др.) и заключался в том, что в атрибутивной синтагме качество транспонировалось в субстанцию, а субстанция -- в качество, так что, например, вместо *белые колонны* писали *белизна колонн*. Мопассан иронизировал над писаниями таких авторов-импрессионистов, говоря: *Ceux qui font tomber la grêle ou la pluie sur la propre vitre des vitres, peuvent aussi jeter des pierres à la simplicité de leurs confrères* (Cressot M. *Le style et ses techniques*. Paris, 1969. P.130) 'Те, которые заставляют град или дождь падать на чистоту стекол, могут бросать камни в простодушие своих собратьев' (вместо 'на чистое стекло' и 'в своих простодушных собратьев'). Здесь грамматический импрессионизм смыкается с литературным. Балли приводит ряд таких примеров, порой почти недоступных для перевода на русский язык, и подробно анализирует психологическую основу такого рода транспозиций.

В связи с этой статьей следует сделать одно замечание. У Балли проскальзывает мысль, что феноменистическое восприятие предшествует каузальному. При этом он показывает, как в индоевропейских языках сокращается употребление безличных форм. Он говорит, в частности, об "архаичности" русского языка, широко использующего безличные обороты. К "архаичности" он относит и сохранение среднего залога, возвратных форм с предложным дополнением (ср. русск. *стучаться в дверь* и франц. *frapper à la porte*), возвратных форм при характеристике субъекта (ср. *эта собака кусается* и *ce chien mord*), а также наличие категории вида, в котором он усматривал также феноменистический подход, поскольку распознавание оттенков действия требует, чтобы внимание говорящего было направлено именно на это действие. Исчезновение вида в европейских языках он связывает с развитием аналитизма, отмечая при этом, однако, что английский язык, "типично аналитический" составляет "интересное исключение" со своими формами продолженного вида глагола.

Но все эти рассуждения не подтверждаются полностью. Что касается безличных глаголов, то в их первичной функции, при описании атмосферных феноменов, русский язык заменил многие безличные глаголы аналитическими оборотами: *дождит --> идет дождь*, тогда как во французском языке эта группа сохранилась в большей степени: *il pleut* 'идет дождь', *il neige* 'идет снег', *il grêle* 'идет град' и т.п. Русский язык расширил употребление безличных глаголов, обозначающих психофизическое состояние человека, так что стало возможным выражать тончайшие нюансы

переживаний и состояний: ср. *он не спит* --> *ему не спится* и т.п. С другой стороны, во французском языке получило широкое распространение употребление безличных конструкций при выражении актуального членения предложения, которое в русском языке обычно передается порядком слов: *il court dr^holes de bruits* 'ходят странные слухи'. Таким образом, в каждом языке безличные обороты имеют разную судьбу, могут превращаться в определенные "технические" средства для выражения некоторых значений, и видеть в их употреблении признак "отсталости" языка неправомерно. Сам же Балли неоднократно подчеркивает в своей книге, что следует различать диахронию и синхронию.

Возвратные формы по-разному функционируют в разных языках. Балли сам отмечает возвратные формы непереходных глаголов старо-французского языка, немыслимые в русском языке (например *se dormir* -- *il se dort* букв. 'он спится', можно, однако: *он спит себе и спит*), некоторые из них сохранились до наших дней (*s'en aller* 'уходить', *se mourir* 'умирать'). В некоторых романских языках (например, испанском, окситанском) широко используются возвратные формы глаголов с так называемым "этическим дативом", не имеющие широкого употребления в русском языке. И, наконец, Балли затрагивает неизменную проблему глагольного вида, в котором некоторые зарубежные лингвисты, в том числе и А.Мейе, видели архаичный признак славянских языков, сохранивших эту "конкретную" категорию, в то время как романские и германские языки отказались от нее в пользу более "абстрактной" категории времени. Тут следует внести два уточнения. Во-первых, система времен индикатива древнерусского языка была аналогична (за некоторыми незначительными исключениями) нынешней системе времен индикатива романских языков как по структуре, так и по основному содержанию временных форм. В дальнейшем в славянских языках эта система стала упрощаться (более всего в восточнославянских языках), а параллельно стала формироваться система видов, которая в славянских языках является не реликтом, а новообразованием. Во-вторых, значение, передаваемое категорией вида, отражает один из важнейших признаков действия; зарубежные лингвисты стали искать глагольный вид в своих языках, и некоторые оппозиции, которые, в частности во французском языке, представлялись чисто темпоральными, в настоящее время трактуются как аспектуальные. Таким образом, существование грамматической категории вида в современных романских языках признается многими специалистами (начиная с Г.Гийома), хотя, конечно, она имеет иную структуру форм и значений, нежели категория вида в славянских языках.

Вторая статья "En l'et^e: au printemps. Croire en Dieu: croire au diable" (русский перевод не может в точности передать структурные особенности французского заголовка) представляет собой образец глубокого анализа конкретного языкового явления в его историческом аспекте. Балли показывает, что формулы *l'et^e* 'летом' и *au printemps* 'весной', которые структурно и семантически различались в старофранцузском языке, в современном языке стали совершенно аналогичными, так что элементы *en* (предлог) и *au* (другой предлог с артиклем) превратились в полные супплетивы. С другой стороны, в *croire en Dieu: croire au diable* 'верить в Бога: верить в черта' разница тех же предлогов до сих пор отражает различия значений глагола *croire*, причем в укреплении этого грамматического различия сыграл роль культурно-исторический фактор.

Статья "Интонация и синтаксис" принадлежит к числу классических статей Ш.Балли, изучаемых и часто цитируемых. Идея статьи подсказана статьей С.О.Карцевского "О фонологии фразы", где впервые со всей глубиной была рассмотрена проблема введения интонации в определение предложения. Балли считает, что при интерпретации структуры и смысла предложения мелодика (включая паузу) играет б^ольшую роль, чем силовое ударение, и рассматривает ее роль на примере французских расчлененных предложений. Он наглядно показывает, как, например, в зависимости от интонации одна и та же фраза *Эта конструкция очень частая в латыни* может быть интерпретирована трояким образом. Особое внимание он уделяет вставкам, которые также в зависимости от интонации выполняют различную функцию, так что отношения между вставкой и основной частью могут быть интерпретированы как сочинительные или подчинительные.

Последняя статья "Синтаксис эксплицитной модальности" посвящена эксплицитной модальности. Эта работа представляет большой методологический интерес, так как в ней излагается программа логического исчисления способов выражения модальности, которая может быть применена к исследованию любых языков.

Не лишены интереса общие рассуждения Балли относительно модальности, которую он понимает весьма широко, а также представленный им опыт классификации модальных глаголов. Интересны его замечания относительно того, что один и тот же глагол может быть модальным (выражающим отношение) и немодальным (констатирующим). В основу исчисления модальных преобразований

Балли кладет различие модуса и диктума, так что он отмечает два типа функциональных замен при выражении модальности: замены, относящиеся к модусу, и замены в диктуме. Модальные замены (может быть для большей ясности их следовало бы назвать "модусными", касаются самого глагола, выражающего модус, тогда как диктальные -- глагольных категорий диктума. Основные функциональные замены глагола модуса: пассивная форма, безличные конструкции с заменой глагола прилагательным, тогда как в диктуме основные замены заключаются в использовании косвенного вопроса и инфинитива. Но модальность модуса может быть выражена в самом диктуме -- в наклонении диктального глагола: *Je crois qu'il a vingt ans* 'Я думаю, что ему двадцать лет' -> *Il doit avoir vingt ans* 'Ему должно быть (букв. он должен иметь) двадцать лет'. Балли последовательно рассматривает разные формы выражения модальности и в заключение останавливается на крайнем случае модального преобразования. Это так называемое предикативное эксплицирование (в других своих работах он называет такой прием интерверсией) поскольку в этом случае главный и зависимый члены синтагмы обмениваются своими функциями, например: *Пьер придет скоро* \$ *lto* \$ *Пьер не замедлит прийти* (характеристика предиката "эксплицируется" в предикат).

Наш анализ книги будет неполным, если мы не коснемся в заключение одного важного вопроса. Замечательной традицией европейских лингвистов (это распространяется и на русских языковедов) является то, что многие выдающиеся члены этого сообщества, занимаясь фундаментальной наукой, теорией и историей языков, вместе с тем уделяли огромное внимание проблемам прикладного языкознания: лексикографии, реформам орфографии, преподаванию родного, иностранных и древних языков. Этот интерес к прикладной лингвистике был свойствен и Шарлю Балли. Особенно его привлекали вопросы лингводидактики. Всю жизнь он преподавал языки в коллеже или в университете. Он преподавал немецкий язык франкофонам и французский германофонам. Именно преподавание дало тот лингво-методический оттенок, который столь характерен для всех его основных работ, всех теорий, поставивших его в первый ряд европейских лингвистов своего времени. Преподавание стимулировало развитие его теории стилистики, появление теории сопоставительного анализа языков.

В те времена языковеды интересовались в основном историей языка, иногда в ущерб современному. Известный лингвист Гуго Шухардт рассказывает в своей статье "Личность автора в лингвистическом исследовании" (*Шухардт* Г. Избранные статьи по языкознанию. М.: УРСС, 2003. С.269--270), как один немецкий профессор вызвал своего слушателя к доске и велел ему написать по-старофранцузски предложение *Император позвал Роланда*. Тот написал: *Li emperere at apelet Rollant*. -- "Отлично, а теперь напишите то же по-новофранцузски, предложил профессор. -- Господин профессор, извините, но я новофранцузским не занимался, -- ответил слушатель".

В школах родной язык изучали на примерах литературы прошлых веков. Балли настойчиво подчеркивал, что нужно изучать язык таким, каков он есть. Он считал целесообразным отделить синхронный срез в изучении языка от диахронного подхода. У слов, писал он, имеются горизонтальные связи (в словосочетаниях живого языка) и вертикальные связи (этимологические сближения). Балли находил полезным для иностранцев изучать этимологию: это позволяет лучше запоминать слова иностранного языка. Между тем при изучении родного языка этимологические связи часто могут нарушать реальные связи слов, так как в современном употреблении множество слов отошло от первоначальных значений. Кроме того, он отмечал, что лингвисты слишком мало уделяют внимания реальному функционированию слов и форм. Балли разработал новую методику изучения словарного состава языка. Он впервые применил тезаурусный метод изучения лексики и схему своего тезауруса опубликовал во втором томе "Французской стилистики". Он считал необходимым показывать то, что объединяет слова и то, что разделяет их. В порядке объединения он находил полезным объединять слова вокруг общей идеи, предлагая таким образом ввести в преподавание принцип семантических полей. С другой стороны он подчеркивал необходимость показывать учащимся также и то, что различает значения и употребления слов, прежде всего при различении синонимов. В книге даются прекрасные образцы анализа дифференциации синонимов: глаголов *tendre* и *l'etendre*, существительных *id'ee* и *pens'ee*.

Балли предлагает использовать в преподавании и характерологические черты языка, о которых он писал неоднократно в своих трудах. Самый лучший способ обучить языку, утверждал он, это, обучая грамматике, показать основные характеристики этого языка. Такой характерологический подход поможет учащемуся овладеть аутентичной речью, усвоить "дух языка". Балли создал прекрасное пособие для изучения французского языка на "продвинутом" этапе -- это упоминавшийся второй том "Французской стилистики", содержащий целую систему оригинальных

и эффективных лексических и отчасти грамматических упражнений в соответствии с положениями первого тома его "Стилистики".

Уже в эпоху Балли широко обсуждался вопрос о целесообразности преподавания латыни в средней школе. Сторонники латыни указывали, что этот язык, обладающий, например, формами склонения, способствует лингвистическому развитию учащихся. Противники говорили, что склонением обладает немецкий или русский язык, и практически более целесообразно тратить время на изучение полезных современных языков. Балли в небольшой главе, завершающей его книгу, откликается на эту проблему; он считает, что латынь заставляет ученика мыслить иначе, нежели родной французский язык, он более рассудочен и гибок в своем синтаксисе, к тому же латинский язык до сих пор продолжает оставаться основным источником пополнения терминологии, так что знание латинской лексики позволяет представить французский словарь более системно. Кроме того, знакомство с латинским языком расширяет общекультурный кругозор учащихся. Балли неоднократно отмечает в своей книге, что постепенно формируется общеевропейская стилистика, в основе которой лежит культурное сближение европейских народов. Балли был, таким образом, одним из провозвестников идеи общеевропейского языкового союза. Подобный союз образуется не на базе общности лексики и морфологических форм, но на основе сходства стилистических приемов в первую очередь. Ученого огорчало отсутствие рациональных учебников для античных языков и он высказал некоторые соображения по этому поводу.

Как мы видим, книга Ш.Балли охватывает, не всегда с одинаковой глубиной, разнообразные лингвистические проблемы. Но может быть в этом и заключается ее интерес для читателя. Она является как бы сводом вопросов, занимавших этого незаурядного ученого. Заинтересовавшись тем или другим вопросом, читатель может обратиться к его другим книгам, тем более, что с выходом этой книги основное научное творчество Балли стало доступным в русском переводе.

В.Г.Гак,
доктор филологических наук,
профессор

Издательство УРСС выражает искреннюю благодарность профессору В.Г.Гаку за ценные замечания, сделанные им по прочтении русского перевода книги в рукописи.

Предисловие

Памяти Фердинанда де Соссюра

Откликнувшись на любезное приглашение моего издателя, я объединил в этой книге различные публикации, которые относятся к фундаментальным проблемам общего языкознания. Две работы, публиковавшиеся ранее, печатаются здесь с существенными изменениями: *Le langage et la vie* [Язык и жизнь] (Genève: Atar, 1913) и *Stylistique et linguistique générale* [Стилистика и общая лингвистика], напечатанная в журнале *Archiv für das Studium der neueren Sprachen* (т.108, с.87 и след.). *Essais sur le mécanisme de l'expressivité linguistique* [Об экспрессивности в языке и речи] ранее не издавалось; оно написано на основе доклада, сделанного 30 мая 1925 года в Женевском философском обществе. Несколько работ: *Langage transmis et Langage acquis* [Об усваиваемом естественно и выучиваемом сознательно в языке] (*Journal de psychologie normale et pathologique*. Paris, 1921. С.625 и след.), а также *La langue maternelle et la formation de l'esprit* [Преподавание родного языка и формирование сознания] (*Le Producteur*. Paris, 1921. С.354 и след.) перепечатываются без значительных изменений.

Хотя каждая из этих работ совершенно самостоятельна, читателю будет несложно понять, что они объединены общей идеей; это столь очевидно, что я должен извиниться за некоторые повторы, но я не убрал их, чтобы не подвергать переработке более объемные разделы.

У меня не было возможности, в каждом конкретном случае, отметить, что я должен другим, а где я с ними не согласен. Лингвисты легко разберутся сами, а не-специалиста обилие ссылок только утомило бы. Когда я писал эти страницы, я думал об образованной публике, и я считал своей целью

достигнутой, если бы помог ей оценить нашу еще молодую науку, которая может развиваться лишь в атмосфере понимания и доброжелательности.

Женева, октябрь 1925 г.

Краткое содержание

Цель этой работы заключается в том, чтобы показать, что важнейшие характеристики функционирования и развития естественной речи порождены жизнью, служить которой речь призвана, причем жизнью каждого индивидуума и жизнью общества в целом. Все явления жизни характеризуются постоянным присутствием эмоциональных и волевых элементов нашего духа, часто эти элементы оказываются преобладающими; разум является при этом лишь средством, впрочем, средством очень важным; таким образом, эти характеристики, находя свое выражение в естественной речи, препятствуют, и всегда будут препятствовать превращению ее в чисто интеллектуальную структуру. Изложение этих принципов имеет также целью очертить психологические рамки стилистики, как особого типа исследования; кроме того, я также попытался показать, какое значение будет иметь для лингвистики в целом изучение языка как средства выражения чувств и инструмента действия.

Об авторе

БАЛЛИ Шарль

Выдающийся швейцарский лингвист. Родился в Женеве. Образование получил в Женевском, а затем в Берлинском университетах. Опубликовал ряд работ по проблемам классической филологии. В 1894 году занял пост приват-доцента французской стилистики в Женевском университете и там же познакомился с Ф. де Соссюром, взгляды которого оказали на него большое влияние. Вместе со своим соратником Альбером Сеше Ш. Балли сыграл выдающуюся роль в популяризации идей Соссюра.

В 1905 году Ш. Балли опубликовал свою первую крупную работу «Краткий очерк стилистики». Положение стилистики как полноценной лингвистической дисциплины было блестяще обосновано Балли в выдержавшей несколько изданий «Французской стилистике» (1909) и многочисленных статьях на эту тему. С 1913 по 1939 год заведовал кафедрой общей лингвистики Женевского университета. В 1913 году вышла в свет его книга «Язык и жизнь», в которую вошли лекции, прочитанные Балли в Париже, а в 1932 году — итоговая работа Ш. Балли «Общая лингвистика и вопросы французского языка».